

щиванию военного могущества, столкнулось с устойчивыми противоречиями между производством и потреблением; богатством и бедностью; материальной и духовной сторонами реальной жизни. Одна из серьезнейших проблем современной цивилизации, на которую обращают внимание некоторые западные аналитики, заключается в том, что сегодня «Восток изменил Запад» (Винфрид Бёттчер), что своим упорным выполнением бюрократических установок Запад уже не в силах продемонстрировать свои исторические преимущества, необходим откровенный диалог Запада с Востоком, ибо трудности одного региона весьма опасны для другого. Современный немецкий ученый В. Бёттчер совершенно определенно подчеркивает, что «системный кризис, в котором мы уже находимся, по крайней мере, с 1990 года, будет длиться, пока мы на Западе не признаем, что должны вместе с Востоком преобразовываться в новую систему. Наши в XX веке сформулированные понятия и идеи не годятся для XXI века. Мы находимся в глубоком общественно-политическом кризисе и (не только в сфере экономики) едва ли представляем, как вести дело дальше... Параллельно с экономическим кризисом идет распад ценностей. У нас нет ответа на вопрос, как мы собираемся жить завтра... Если Запад признает свой собственный кризис, то будет нелогичным рекомендовать Востоку стать таким же, как Запад. Правда заключается в том, что старая система не в состоянии решить проблем общества. Точно так же правда состоит в том, что перенесение западной занедужившейся системы на Восток не может решить чужих проблем»³. Становится ясно, что необходимо найти пути и подходы, которые бы позволили избежать ошибок как Запада, так и Востока. Эндогенный потенциал национальных государств, наследников СССР, должен быть изучен, проанализирован и плодотворно использован для системной общемировой трансформации в новую систему на новых социально-экономических, ценностных, и экологических принципах.

Литература:

1. Яскевич Я.С. Становление идеологии белорусского государства и национальная идея: традиции и новации. Мн., 2004. С.40-48.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 114-118.
3. Винфрид Бёттчер. Восток изменил Запад//Социология, 1997, № 1. с.11.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Проф. д.ф.н. Петко Ганчев

Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Болгарии в Республики Беларусь

Процессы глобализации в рамках известной древним цивилизациям части Земли или Ойкумены протекали одновременно с процессами регионализации и фрагментаризации разных государственных и этнических образований. Эти процессы протекали в эпоху государств-полисов рабовладельческих и феодальных империй, принимая более систематизированный вид в эпоху национального капитализма, когда последовательно вслед за Испанией и Португалией некоторые европейские государства пробовали брать на себя лидерство по овладению и контролем над мировым пространством. Самую полную и завершённую форму эти процессы приняли во время т.н. Belle époque под эгидой Британской империи. Но эта первая и самая полная капиталистическая глобализация, захватившая все пространство Земли и установившая свободное движение товаров, капиталов и людей по всей планете,

продолжалась с 1846 г. по 1914 г. и была прервана из-за отсутствия наднациональных институций, организаций и глобальной идеологии, которые могли ее отстоять. Очень важным фактором для ее провала являлся восход правого национализма – нацизм и фашизм и левого интернационализма – большевизм, коммунизм.

После Второй мировой войны / 1939 – 1945 г./ под воздействием множества качественно новых факторов глобального характера развернулся новый этап глобализации.

В принципе множество фундаментальных открытий науки и теоретических выводов из общественной практики, воплотившихся в новых социальных и технических средствах и технологиях, в новых политических и экономических решениях, воздействовали радикально на систему ценностей, отношений и структур человеческой цивилизации на всех уровнях – глобальном, региональном и локальном. Можно сказать что сегодня, как никогда раньше в своей истории, человечество пришло к ускоряющейся динамике, в которой принимают участие как силы, возникшие в прежних его стадиях развития, так и порожденные современными достижениями науки и технологии. Приведены в движение как позитивные силы, которые направлены на решение множества тяжелых накопившихся от прошлого проблем, но так же и негативные, разрушительные силы, которые в новых условиях порождают новые глобальные угрозы и вызовы.

Если синтезировать множество определений глобализации как объективного, закономерного исторического процесса, протекающего в определенных формах в зависимости от доминирующих идеологий, но отличающихся качественно новыми характеристиками в современную эпоху, они могли быть сведены к качественным переменам в динамике истории, то есть, движению общества и логически связанными с этими переменами в пространстве и времени на Земле. Факт, что ускорение движения, как результат применения новых транспортных, коммуникационных и информационных средств и технологий, ведет к "уменьшению", "сжатию" до минимума пространства и к "ускорению" времени, необходимого для той или другой деятельности и реализации определенных целей. То есть, условно можно принять, что с помощью новых энергий и технологий земное пространство и время теряют во все большей степени свои традиционные физические характеристики и получают новые социальные характеристики, ставя таким образом цивилизацию в качественно новое состояние открывая новые возможности, а так же новые угрозы перед ней.

Вероятно, самым коротким и полным определением глобализации является то, что она представляет собой многофакторный синергетический процесс по созданию глобальных экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, которые пронизывают все пространство Земли и интегрируют его в единую целостную систему. Это означает, что рядом с уплотнением локальных и региональных пространств уплотняется и глобальное пространство, где уже действуют с неодинаковой силой и масштабами разные факторы. В зависимости от доминирования одних или других факторов, отдельные зоны повышают свою стабильность, а другие наоборот, входят в зону нестабильности и повышенного риска.

Известно, что до 1989 -1991 г., то есть до конца „холодной войны“, процессы глобализации протекали в противоположных формах, в которых два поляризованных и конфронтующих мира пытались реализовать объективную логику исторического процесса в соответствии с исповедуемыми ими идеологиями. По существу были предложены как идеология и как практика двух противоположных альтернатив, два варианта глобализации: первый – западная либеральная демократия и рынок,

движимый принципами либерализма и неолиберализма, и второй – коммунистический интернационализм, государственный социализм и планово централизованная экономика. В условиях глобальной конфронтации западная либеральная демократия оказалась более мотивированной, хозяйственно более эффективной, с превосходящим потенциалом для технологических инноваций и адаптаций, с превосходящими валютно-финансовыми ресурсами, и не на последнем месте, с более верной геополитикой и геостратегией. И поэтому победила. Это ни в коем случае не означает, что вместе с крахом государственного социализма во времена его "перестройки" отошли в историю идеи о более справедливом, более свободном, более солидарном и действительно демократичном мире. Наоборот, как открытый многолинейный процесс история открыта для новых синтезов и новых проектов о будущем человеческом мироустройстве.

В условиях нового глобализационного цикла становится яснее, что воздействие на общество и историю все более принимают характеристики глобальной системной геополитики. Это означает, что введены в действие все факторы трансформации современных обществ. Можно предположить, что, как открытый многовариантный процесс, история в дальнейшем будет реализовываться в зависимости от соотношения сил, которые придерживаются одной или другой геополитики. Было бы знаком идеологической ограниченности, если кто-нибудь взялся бы утверждать, что последние из господствующих в отдельных обществах или в мировом сообществе идеологических догм являются высшей истиной и справедливостью, и что человечество не ожидает новые социальные катаклизмы, которые вызовут на арену истории новые варианты движения в одну или другую сторону, более адекватную новым глобальным реальностям. Тогда это, что представлялось некоторым авторам как "конец истории", может оказаться последним заблуждением.

С концом "холодной войны", когда рухнул государственный социализм и с политической сцены истории исчезли Советский союз, Югославия и Чехословакия и на их месте возник целый ряд новых государств, которые восстанавливали в этническом составе старые или формировали совершенно новые государства, начался по существу новый глобализационный цикл под эгидой единственной суперсилы - США.

Процессы глобализации, интегрированные в последние десятилетия в наднациональных, региональных и глобальных формах отдельных государств, в экономические, политические и социальные структуры отдельных обществ, создавая вместе с тем институции контроля над ними, являются объективными и закономерными, но они протекают в соответствии с идеологией глобализма, задаваемой сегодня геополитическими и геоэкономическими интересами США и связанными с ними странами Западной Европы. Но еще сегодня очерчиваются два подхода к решению глобальных проблем, перед которыми стоит человечество. Первый, олицетворяемый сегодняшней администрацией США, связан с возрождением инерции истории, с применением при решении множества проблем в международных отношениях методов торговли, гегемонизма, и не редко, в последнюю очередь, методов войны. Второй, олицетворяемый прежде всего Германией, Францией и некоторыми маленькими западноевропейскими государствами как Бельгия, Люксембург и т.д., связан прежде всего с будущим и является опытом вести диалог между различными культурами и цивилизациями, искать консенсуса при решении острых политических, этнических и социальных конфликтов, применяя принцип доброго примера: "делай как я!"

Во всех случаях переструктурирование геопространства в зависимости от мощи коммуникационных, экономических, информационных и финансовых потоков упразд-

няет смысл деления мира, установленного после Второй мировой войны /1939-1945 г./ в соответствии с Ялтинско-Потдсамскими соглашениями, на три составных части: первая – развитые общества, так называемый, “золотой миллиард”, к которым принадлежат страны Западной Европы, Северной Америки, Австралия, Новая Зеландия и Япония; второй – это страны бывшего социалистического блока и третий – так называемые “развивающиеся страны”, или просто “третий мир”.

Как известно, “Мир II” пришел в историю как недавнее прошлое. С точки зрения современного цикла глобализации хаарктеристики “Мир I” и “Мир III” качественно изменились и нуждаются в новой интерпретаций нового дефинирования.

Сегодня, по существу, есть один глобальный “Мир I”, который возвышается над локальными и региональными пространствами отдельных государств по всей планете. Вместе с этим “Мир I” в региональных и локальных пространствах т. наз. “Юга”, к которым присоединилось много региональных и локальных пространств бывшего “Востока”, оформился новый “Мир II”. В недрах этого “Мира II” функционирует еще один так же глобальный “ Мир III” – мир теневой экономики, коррупции, организованной преступности, мафии, терроризма.

Эти три мира располагаются в трех, специфическим образом структурированных пространствах, где действуют (двигаются, делая свою историю) три различные группы субъектов. Эти пространства, как своеобразные пласты со своей специфичной организацией и своей динамикой. Над всеми доминирует, конечно, “Мир I”. Он является как своеобразном небом, где во времена Средневековья роились ангелы, а сегодня – лидеры США и других западных государств, мировые политики, богачи, менеджеры, звезды шоу-бизнеса, попкультуры, спорта, кино и масс-медиа. Этот мир неограничен этнической, национальной и религиозной принадлежностью. В этом смысле глобальный “Мир I” космополитичен, мультикультурен, мультицивилизационен. Хотя он, однако, является доминирующим над планетой, все таки связан с пространствами Запада, откуда получает свои технологические новации, социально-экономические решения и космополитичные импульсы.

Интеграция западных обществ в военном, политическом, финансовом, торгово-экономическом, социальном и культурном отношении указывает направления трансформации локальных пространств с традиционными культурами и образами жизни других сообществ, которые формируют иерархически структурированную систему “Мира II”. Горный пласт “Мира II” стремится достичь, с перенапряжением воли и энергий своих народов, характеристик “Мира I”. Наоборот, нижний пласт пространства “Мира II”, который крепко завязан на прошлое, в большей степени попадает под воздействие структур “Мира III”. Локальное пространство Запада, где по существу завязано глобальное космополитичное пространство “Мира I”, снимая межгосударственные границы и открывая, таким образом, возможности для свободного движения людей, товаров, капиталов, информации, услуг и образов, в то же время отделен от остальных локальных и региональных пространств “Мира II”, где проживает 5/6 всего человечества. Границы локальных пространств “Мира I”, на которых покоится глобальный космополитичный “Мир I”, все больше принимают характеристики невидимых стен, через которые нельзя проникнуть всем желающим, кроме как нелегальным путем. Таким образом, на месте павшей в 1991 г. Берлинской стены, была воздвигнута шенгенская стена (т. наз. “негативного списка”), ставшая для многих стран и народов клеймом со стороны Запада, как представляющая опасность для его благополучия и безопасности. Со своей стороны, сами космополитические пространства Запада тоже насыщены невидимыми рвами и стенами. Через их

определенные места и зоны в больших западных городах очерчены гетто, где ютятся эмигранты из локальных пространств "Мира II" или маргиналы и аутсайдеры, которые выпали из орбиты богатства и образования и не имеют никакого шанса подняться снова и вернуться туда. Между этими новыми гетто в мире богатства и остальных зонах западных космополитичных пространств непрерывно накапливается напряжение, которое несет как социальные, так и цивилизационные характеристики. Все это делает нас все чаще свидетелями одних или других конфликтов между этими не интегрирующимися и капсулированными общностями мигрантов, прежде всего на тех из них, которые связаны с исламом, как религией и культурой, и остальных представителей этих обществ, и интегрированных в них мигрантов из Восточной Европы. Такие конфликты мы наблюдали в первые дни ноября 2005 г. во Франции.

Глобальный космополитичный "Мир I" взаимодействует не только со своим региональным и локальным пространством, где он прикован и откуда получает импульсы и энергии для овладения и контроля над остальными региональными и локальными пространствами "Мира II". Это взаимодействие многонаправлено и располагается на разных уровнях, но именно глобальное пространство "Мира I" задает нормы, правила, характер, темы и объемы взаимодействия и трансформации "Миру II". "Мир I" непрерывно прессирует "Мир II" с помощью своего технологического превосходства и неприступности, своего блеска, роскоши, своего самочувствия и не в последнюю очередь, своим гедонистическим образом жизни. "Мир I" задает образы и послания как "высшая инстанция", не ожидая обратной связи, и не нуждаясь в такой связи. Не зная их, он ставит под сомнение системную эрозию, культурные традиционные ценности "Мира II", и таким образом, развращает его, превращая во враждебное пространство, где он может беспредельно господствовать. Вместе с этим региональные и локальные пространства Запада, на которых крепится "Мир I" непрерывно, через систему неравноправных торгово-экономических, финансовых, и информационных отношений, ослабляют и грабят "Мир II", не позволяя им, таким образом, модернизировать технологически и экономически свои региональные и глобальные пространства, овладеть мощностью и энергией, которые могли бы динамизировать его. Таким образом, вместо того, чтобы работать над трансформированием всего геопространства в одну целостную коммуникационную систему, в большое коммуникационное пространство, где все его части и регионы были бы равноправными и конкурирующими между собой, непрерывно бы усвершенствовались, "Мир I", следуя инерции прежних эпох, работает в большинстве случаев на сохранении статус-кво. Так, с одной стороны, мы наблюдаем сегодня огромные возможности экономической теории и социальной практики решить проблемы бедных сообществ, а с другой, в силу политической инерции прошлого, эти проблемы углубляются.

Все сказанное выше очень кратко о характере современного глобализационного процесса и трансформации обществ заставляет нас сделать вывод о неотложной необходимости кардинальной перемены принципов организации современных международных отношений, чтобы открылся простор всех позитивных сил глобализации и интеграции, комплексной системной трансформации и модернизации всех обществ в соответствии с новыми реалиями эпохи, для предотвращения глобальных угроз и вызовов во имя действительно общего будущего всего человечества.